

Иннокентий Анненский

**Леконт де Лиль и его
«Эринии»**

Иннокентий Анненский
Леконт де Лиль и его «Эринии»

«Public Domain»

1909

Анненский И. Ф.

Леконт де Лиль и его «Эринии» / И. Ф. Анненский — «Public Domain», 1909

«В Люксембургском саду, в Париже, вот уже десять лет красуется статуя Леконта де Лиль, а между тем не прошло и пятнадцати со дня его смерти. Очень знаменательный факт, особенно ввиду того, что поэт никогда не был популярен даже между парижан...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Иннокентий Анненский

Леконт де Лиль и его «Эринии»

I

В Люксембургском саду, в Париже, вот уже десять лет красуется статуя Леконта де Лиль, а между тем не прошло и пятнадцати со дня его смерти.

Очень знаменательный факт, особенно ввиду того, что поэт никогда не был популярен даже между парижан.

Есть поэтические имена, вокруг которых долго после того, как они перешли в надгробие, все еще кипит вражда. Бодлер умер сорок, а Гейне целых пятьдесят лет тому назад, но историку одного из этих поэтов и в наши дни недостаточно вооружиться грифелем и свитком своей музыки – он, должен обладать еще мускулами Одиссея, чтобы унести к себе непопорченным мертвого героя.

Не таково имя Леконта де Лиль.

Оно сделалось историческим еще при жизни поэта, а теперь ретроспективно творчество знаменитого креола кажется нам чуть что не планомерным.

Когда в 1852 г. скромный учитель уже на 35 году от рождения впервые выступил со сборником «Античных поэм», то не кто иной, как Сент-Бев,¹ отметил в новой книге замечательные стихи.

Перед читателями был уже вполне готовый поэт. Позднейшей критике оставалось только углублять и оттенять в нем черты, раз навсегда намеченные автором «Новых понедельников». Это были: 1) широта изображения; 2) идеалистический подъем и, наконец, 3) удивительный стих, который лился у нового поэта непрерывным, полноводным, почти весенним потоком, ничего не теряя при этом из своей плавной величавости.

Сент-Бев обратил, между прочим, внимание на одну пьесу Леконта де Лиль, и я не могу не выписать здесь же хотя бы двух заключительных ее строф, с такой пронизательностью кри-тик в первой же книге африканца напал на ключ ко всему, что он писал потом:

Mais si, desabuse des larmes et du rire,
Altere de l'oubli de ce monde agite,
Tu veux, ne sachant plus pardonner et maudire,
Gouter une supreme et morne volupte,

Viens! Le soleil te parle en paroles sublimes;
Dans sa flamme implacable absorbe toi sans fin;
Et retourne a pas lents vers les ci'fes infimes,
Le coeur trempé sept fois dans le neant divinl.²

¹ Сент-Бев, Шарль Огюстен (1804–1869) – французский критик и поэт. Писал для парижских журналов критические статьи, которые печатались по понедельникам, а впоследствии составили многотомную серию «Беседы по понедельникам» (1851–1862) и ее продолжение «Новые понедельники» (1863–1870). «Новая книга» – видимо, «Souvenirs et indiscretions» («Воспоминания и нескромные мысли», 1872).

² Poemes antiques, p. 293. Но если, наскучив слезами и смехом, жадный забыть этот суетливый мир, не умея более ни прощать, ни проклинать, ты захотел бы вкусить последней и мрачной улады – Приди! Слова Солнца великолепны. Дай неукротимому пламени его вдосталь тобой надыхаться... А потом вернись медленно к ничтожеству городов, с сердцем, седижды закаленным в божественном Небытии (Neant).

В этих строфах – весь Леконт де Лиль.

Жизнь этого поэта была именно высокомерным отрицанием самой жизни ради «солнечного воспоминания». С внешней же стороны она стала сплошным литературным подвигом. И интересно проследить, с какой мудрой постепенностью поэт осуществлял план своего труда.

Античная традиция была им воспринята именно там, где оставил ее в XVIII в. Андре Шенье,³ и Эллада «Античных поэм» имеет еще Александрийский колорит. Молодой поэт Второй империи уже не удовлетворяется, однако, заветами своего предтечи.

Sur les pensers nouveaux faisons des vers antiques.⁴

Настали другие времена. Теперь обаяние античности открывалось уже не идиллическому певцу, а ученому, и он должен был владеть для этого иными красками.

От древности требовали, кроме стиха и сказки, еще и ее пейзажа, ее мысли, исканий и веры.

Программа выходила, таким образом, очень сложной, – и вот Леконт де Лиль прежде всего берется за перевод того самого Феокрита,⁵ которому за сто лет до него Андре Шенье только свободно подражал. Тогда же издает он и «Анакреонтические оды» (оба перевода вышли в 1861 г.). Затем путь его классических студий направляется через императорский Рим в средневековье, которому и посвящается часть «Варварских поэм» (1862),⁶ и только после этого искусства Леконт де Лиль решает вернуть мысль своих читателей к истокам античности, публикуя дословный перевод Гомера и Гесиода.⁷ Далее поэта ведет уже нормальная стезя истории, и в 1872 г. выходит его прозаический перевод Эсхилова наследья,⁸ а рядом с ним и «Эринии», уже в стихах. Еще через пять лет Леконт де Лиль издает перевод Софокла⁹ в прозе и дословный, а восемью годами позже – два огромных тома с полным Еврипидом.¹⁰ И этого трагика, чуждого ему по духу, Леконт де Лиль передает со строгой точностью, как мастер, который не хочет порывать с традицией скромного ученичества. Таким образом, к собственному творчеству в области античного мира Леконт де Лиль дал нам совершенно исключительный комментарий: каждый грамотный француз мог теперь видеть верный чертеж того самого здания, которое поэт воскрешал перед ним уже причудливой, в форме личных своих восторгов и переживаний.

Казалось бы, работа, где добросовестный учитель чередуется с поэтом, должна была наложить невыгодный отпечаток на обоих, заставляя одного забывать о своих обязанностях ради привилегий другого. Но именно этого-то и не случилось с Леконтом де Лиль. Он, правда, изредка пропускал в переводе места, которые ему не давались, или уж слишком явно испорченные переписчиком. Но, помимо этого, поэт не внес в строгую прозу перевода ни одного из свойственных его речи украшений, и артист слова выдал себя разве что в особой тонкости острия на прозаическом стиле. Еще безнадежнее было бы, пожалуй, искать педанта в поэте. Леконт де Лиль соразмерял свой поэтический подъем с таинственной красотой драмы Эсхила,

³ Шенье, Андре (1762–1794) – французский поэт и публицист, автор элегий и идиллий на античные темы.

⁴ Новые мысли вложим в античные стихи (фр.).

⁵ ...берется за перевод того самого Феокрита... – Феокрит (конец IV в. – 1-я половина III в. до н. э.) – греческий поэт, создатель жанра идиллий. Феокрит в переводах Леконт де Лилия вышел в издании: *Idylles de Theocrite et odes anacreontiques*, Paris, 1861.

⁶ «Варварские поэмы» (1862) – книга Леконта де Лилия.

⁷ ...дословный перевод Гомера и Гесиода. – Имеются в виду выполненные Л. де Лилем чрезвычайно точные переводы с древнегреческого поэм Гомера «Илиада» (вышел в свет в 1867 г.) и «Одиссея» (1870), а также произведений Гесиода.

⁸ ...перевод Эсхилова наследья... – См.: Eschyle. Paris, 1872.

⁹ ...издает перевод Софокла... – См.: Sophocle. Oeuvres. Paris, 1877.

¹⁰ ...два огромных тома с полным Еврипидом. – См.: Euripide. Paris, 1884.

на том же естественном основании, на каком другой сближал бы свое волнение с красотой итальянского озера или величиим гибнущего Эгмонта.¹¹ Его материал был тоньше, сложнее, но вот и все.

Классик он, конечно, был очень строгий, но самая строгость изображений выкупалась у Леконта де Лиль их изысканной ясностью, совершенно чуждой при этом и дидактизма Буало,¹² и пафоса Корнеля,¹³ и риторики Мюссе.¹⁴

И если при чтении «Легенды веков»¹⁵ мне иногда положительно не достаёт комментария, а за блеском картинных городов с их куполами и минаретами нет-нет да и припомнится какое-то уже читанное раньше путешествие, то к строфам Леконта де Лиль – до такой степени они закончены, выпуклы и ими все сказано – не шли бы решительно никакие примечания. Это-то как раз изящная простота и доказанность стихов и послужили источником одного из самых грубых недоразумений. Обманчивую прозрачность воды в глубоком озере люди готовы были назвать лужей, а дорого стоившая поэту красота его сосредоточенно-страстной мысли не раз обращалась не только в глазах читателей, но и под пером критиков, в условную, чуть что не шаблонную красоту школьных стихов.

Вот одна из «трагических поэм» Леконта де Лиль, которая, может быть, лучше других выяснит всю обидность недоразумения:

¹¹ *Эгмонт* – нидерландский политический деятель (1522–1568), герой одноименной трагедии Гете, написанной в 1787 г.

¹² *Буало, Никола* (1636–1711) – французский поэт, теоретик классицизма.

¹³ *Корнель, Пьер* (1606–1684) – французский драматург, создатель драматургии классицизма XVII в.

¹⁴ *Мюссе, Альфред де* (1810–1857) – французский поэт-романтик.

¹⁵ «*Легенда веков*» («*La legende des siecles*»), 1859–1883 – большой сборник стихотворений В. Гюго на исторические сюжеты из жизни разных народов и времен.

Epiphanie

Elle passe, tranquille, en un reve divin,
Sur le bord du plus frais de tes lacs,
O Norvege! Le sang rose et subtil qui dore son col fin
Est doux comme un rayon de l'aube sur la neige.

Au murmure indecis du frene et du bouleau,
Dans l'etincellement et le charme de l'heure.
Elle va refletee au pale azur de l'eau
Qu'un vol silencieux de papillons effleure.

Quand un souffle furtif glisse en ses cheveux blonds,
Une cendre ineffable inonde son epaule;
Et, de leur transparence argentant leurs cils longs,
Ses yeux ont la couleur des belles nuits du Pole.

Purs d'ombre et de desir, n'ayant rien espere
Du monde perissable ou rien d'aile ne reste,
Jamais ils n'ont souri, jamais ils n'ont pleure,
Ces yeux calmes ouverts sur l'horizon celeste.

Et le Gardien pensif du mystique oranger
Des balcons de l'Aurore eternelle se penche,
Et regarde passer ce fantome leger
Dans les plis de sa robe immortellement blanche.

Poemes tragiques, p. 66–67.¹⁶

«Эпифания» – не только греческое слово, но и слово, неразрывно связанное с греческим мифом. И лишь там поэт научился постигать красоту того мимолетного, но всегда мистически связанного с пейзажем богоявления, которое сыграло в его творчестве такую значительную роль. Изысканность поэтического замысла проявилась в данной пьесе тем, что концепцию эллинского мифа Леконт де Лиль перенес в страну северных озер, густо затуманив для этого свое африканское солнце. Девственность Артемиды должна была получить иные, мягкие и как бы снежные, контуры. Оттуда и «несказанный пепел волос», обволнивших ее плечо, и «полярная ночь глаз», и складки «бессмертно-белой одежды», и даже «розовая кровь ее шеи», которая напоминает поэту о заревых лучах на чистом снегу.

Между тем пейзаж, окружающий богиню, вовсе не зимний. Напротив, стоит короткое лето: береза и ясень что-то неясно лепечут, и бабочки задевают крылом голубую рябь озера, «самого свежего» из норвежских.

¹⁶ Явление божества Над светлым озером Норвегии своей Она идет, мечту задумчиво лелея, И шею тонкую кровь розовая ей. Луча зари златит среди снегов алее. Берез лепечущих еще прозрачна сень, И дня отрадного еще мерцает пламя, И бледных вод лазурь ее качает тень, Беззвучно бабочек колеблема крылами. Эфир обвеет ли волос душистых лен, Он зыбью пепельной плечо ей одевает, И занавес ресниц дрожит, осеребрен Полярной ночью глаз, когда их закрывает. Ни тени, ни страстей им не сулили дни От нас ли, гибнущих, крылатого не тянет? Не улыбаются, не плакали они, И небосвод один к себе их вежды манит. И померанцевых мистических цветов С балкона этого, склоняясь, страж безмолвный Следит за призраком норвежских берегов И как одежд его бессмертно-белы волны. («Тихие песни», с. 75).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.